



УДК 947.8(470.26)

Ю. В. Костяшов

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ КОЛХОЗЫ В 1946 – 1953 ГОДАХ:
КАРТИНЫ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ**

На основе неизвестных ранее архивных документов рассказывается о повседневной жизни и проблемах развития переселенческих колхозов в Калининградской области (1946 – 1953 гг.). Цель исследования состоит в том, чтобы дополнить и расширить наши представления о феномене тоталитаризма и произошедших в период позднего сталинизма трансформациях советского общества, а также выявить специфику региональной истории на этом этапе.

This article focuses on the daily life and problems of the development of new collective farms in the Kaliningrad region (1946 – 1953) on the basis of earlier unknown archive documents. The study sets out to broaden our perception of the phenomenon of totalitarianism and transformations in the Soviet society in the last years of Stalin's regime, as well as to identify the specific features of regional history at this stage.

Ключевые слова: Калининградская область, колхозы, сельское хозяйство, история повседневности, микроистория, 1946 – 1953 гг.

Key words: Kaliningrad region, collective farms, agriculture, everyday history, microhistory, 1946 – 1953.

На первый взгляд, история сельского хозяйства Калининградской области, особенно периода его становления во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., исследована неплохо. Сравнительно недавно по этой теме был опубликован обобщающий коллективный труд [1]. Тем не менее до сих пор в историографии предпочтение отдается производственным вопросам, материально-технической базе, демографическим аспектам развития села, проблемам удовлетворения социально-экономических и культурных потребностей колхозников. Население советской деревни долгое время оставалось и еще продолжает оставаться «великим незнакомцем» [2]. Мы слишком мало знаем о повседневной жизни переселенцев-колхозников, почти не изучаются представления крестьян о себе и окружающем мире, их реакции на те или иные события, мотивация социального поведения, механизмы адаптации и выживания в экстремальных условиях, на чужой земле, в разрушенном войной крае. Исследование этой проблематики имеет важное значение не только для понимания специфики региональной истории, но и для анализа особенностей развития послевоенной советской деревни в целом, позволит глубже оценить результаты одной из самых масштабных переселенческих акций советского государства, дополнить наши пред-



ставления о феномене тоталитаризма и произошедших в период позднего сталинизма трансформаций советского общества.

В настоящей статье предпринята попытка привлечь для изучения некоторых из перечисленных выше аспектов темы новые источники — протоколы сельских собраний¹. Свою задачу автор видит в том, чтобы на материале впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассмотреть и проанализировать некоторые важные, а иногда и весьма болезненные стороны колхозной жизни в последние годы существования сталинского режима.

Первые шаги

131

Первые эшелоны с крестьянами-переселенцами прибыли в Калининградскую область в конце августа 1946 г. Созданные ими колхозы были маломощными и насчитывали по 30–50 дворов или в среднем по 100 трудоспособных человек на сельхозартель [3, с. 73–123]. Трудности, с которыми столкнулись первые переселенцы, были связаны в первую очередь с отсутствием у организованных колхозов какого-либо имущества (неделимых фондов). И если проблема земли, жилья и хозпостроек худо-бедно решалась за счет оставленного немцами «наследства», то в отношении общественного скота, тягловой силы, сельхозинвентаря, семян, денег на текущие расходы новоселам приходилось уповать только на помощь государства.

Первым делом колхозам был выделен скот. Отчитываясь 6 февраля 1947 г. на собрании колхоза «Победа» Гусевского района, его председатель И. В. Кулешов сообщил следующее: «Мы прибыли в Калининградскую область 28 августа 1946 года. Нам государство дало лошадей: в первую партию 2 лошади, во вторую 4 лошади и в третью 14 лошадей... А также мы получили крупный рогатый скот» [4, л. 9]. Однако почти все животные, которые поступали от службы тыла Красной армии, были больными и крайне истощенными. Их лечение становилось невозможным из-за отсутствия квалифицированной помощи и медикаментов. Кормов тоже не было, так как переселение осуществлялось осенью, т. е. уже в конце сельскохозяйственного сезона. В колхозе им. Буденного Гурьевского района от военных «получили 35 лошадей, из них 19 голов пало» [5, д. 1, л. 8]. Нечем было кормить скот в колхозе им. Свердлова Черняховского района: «У нас уже сбавилось 5 коров, и шестую каждый день поднимаем» [6, л. 8 об.]. В колхозе «Большевик» Славского района, как говорилось на собрании в декабре 1946 г., «рабочие лошади стали выходить из строя, т. е. доведены до истощенного состояния, из которых одна голова дошла до безнадежного состояния» [7, л. 9].

¹ Имеются в виду протоколы четырех видов: общих собраний колхозников, заседаний правлений колхозов, собраний партячеек и заседаний исполкомов сельских советов.



Рис. 1. Сельский сход в одном из сел Озёрского района. 1949 г.
Фото из фондов ГАКО

Еще хуже дело обстояло с техникой и инвентарем. Если кому-то и доставались трактор или машина, списанные из армии, то они требовали сложного и дорогостоящего ремонта. Инструмент же приходилось собирать по окрестным хуторам и заброшенным поместьям; собственно, на первых порах переселенцы ничем другим и не занимались. Увлечение «сбором трофеев» с их последующей продажей (чаще всего в Литве, где очень ценился немецкий инвентарь) приобрело такие масштабы, что руководству колхозов пришлось вводить запреты на «трофейные экспедиции» и «повальную спекуляцию». Если какой-то инструмент и остался в колхозе, то почти весь он был разобран по личным хозяйствам [8, л. 20].

В общей атмосфере хаоса и сумятицы, в которой проходило переселение и создание колхозов, весьма неразумно (или, напротив, разумно, но незаконно!) тратились немалые денежные средства, выделенные колхозам. Поэтому совсем не случайными были претензии, прозвучавшие на собрании в уже упомянутом колхозе им. Буденного, по поводу того, что председатель деньги «расходовал как попало, без всяких документов» и «средств получили много, но куда их дели, мы не знаем» [5, д. 1, л. 1 об., 4]. Руководители колхозов тоже не оставались в долгу. Председатель колхоза «Победа II-я» (затем названного именем Буденного) Гусевского района Романенков 15 октября 1946 г. обратился к односельчанам со следующей прочувствованной речью: «Так, товарищи колхозники, мы не должны рассуждать, как рассуждают многие, что если нам государство не поможет, значит, мы не пойдем на работу. Вы учтите, товарищи колхозники, мы работаем не для государства, а для себя... Товарищ Ленин говорил, что нет дисциплины, то нет и армии. Так же и у нас в колхозе: если не будет трудовой дисциплины, то у



нас получится не организованный колхоз, а какой-то расхлябанный... Мы должны крепнуть, трудиться и бороться за каждый выработанный трудовой день. И нас, товарищи колхозники, сюда посылали не лодырей, таких, которые были не нужны в колхозе, а нас посылали наисамых лучших колхозников. Но у нас получается иначе: там мы были наилучшими, а здесь стали другими». По всей видимости, собравшиеся активно возражали председателю, так что ему пришлось закончить речь угрозой: «Только тогда не ходите, и не плачьте» [9, д. 4, л. 2 об. – 3 об].

Результаты первых месяцев хозяйствования переселенческих колхозов оказались удручающими. Мало кому из них удалось запастись кормами и семенами, план озимого сева повсеместно был сорван; тягловой силы и инвентаря катастрофически не хватало; снабжение новоселов хлебом и промтоварами либо вообще отсутствовало, либо проходило с перебоями [10, д. 1, л. 3], а обзавестись собственными огородами они не успели, так что большинству крестьян в суровую зиму 1946–1947 гг. пришлось пережить настоящий голод. Только более или менее успешный сельскохозяйственный сезон следующего 1947 г. позволил отчасти стабилизировать ситуацию.

Снижение пайка в Англии

Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» было принято 14 декабря 1947 г. [11, с. 460]. При сохранении прежних зарплат наличные деньги обменивались десять к одному, а вклады в сберкассах свыше 3 тыс. рублей сокращались в пределах от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ от имевшихся сбережений. Реформа затрагивала крестьян в наименьшей степени, так как карточная система на них не распространялась, а наличные деньги, не говоря уж о накоплениях, у селян были большой редкостью. Тем не менее по случаю принятия постановления в калининградских колхозах состоялись собрания и беседы, разъясняющие значение очередного судьбоносного решения властей. В колхозе им. Чапаева Железнодорожного района доклад на эту тему сделал секретарь местной партийной ячейки, который объяснил необходимость предпринятых шагов тем, что во время войны «немецкими и другими оккупантами выпускались в большом количестве фальшивые деньги в рублях, что еще больше увеличило излишек денег в стране и засорило наше денежное обращение... и покупательная сила денег понизилась». Он заверил односельчан, что «ни одна страна в мире не проводит такую политику», и в подтверждение своих слов привел следующий убедительный пример: «Взять Англию, которая не пострадала от 2-й мировой войны, а в ней сейчас не отменена карточная система, а наоборот, идет снижение пайка» [12, л. 10–11]. Судя по протоколу, колхозники сочувственно отнеслись к бедствиям иностранных трудящихся и с энтузиазмом одобрили решение правительства.

Шефская помощь

Колхозники хронически не успевали вовремя проводить все виды полевых работ, особенно уборку урожая, поэтому местные власти им в помощь регулярно направляли организованные группы горожан — служащих бюджетных учреждений, промышленных предприятий, школьников и студентов. Труд этих подневольных шефов был столь неэффективным, а усилия по организации фронта работ и затраты на их питание столь значительны, что колхозы всеми силами старались «отбояриться» от горожан. При этом ни один председатель, разумеется, не рисковал открыто выступать против партийных установок и возражать своему районному начальству по поводу популярного в те годы лозунга о смычке города и деревни, но самим приехавшим шефам часто без обиняков давали понять, что они для колхозников обуза. Не все с пониманием воспринимали такое отношение, а глава десанта помощников из Большаковского райпо товарищ Цинк в колхозе им. Ворошилова устроил настоящий скандал, так что 18 августа 1949 г. конфликт пришлось разбирать на партийном собрании. Обращаясь к председателю колхоза, Цинк заявил: «У тов. Коврижного неправильное понимание в части работы шефов в колхозе. Мы приезжали к Вам не кушать, а помочь в уборке хлеба, поэтому расходовать Вам абсолютно нет необходимости. Вы дважды отказывались от нашей помощи, а ведь помогли два дня наши люди неплохо» [13, л. 19].

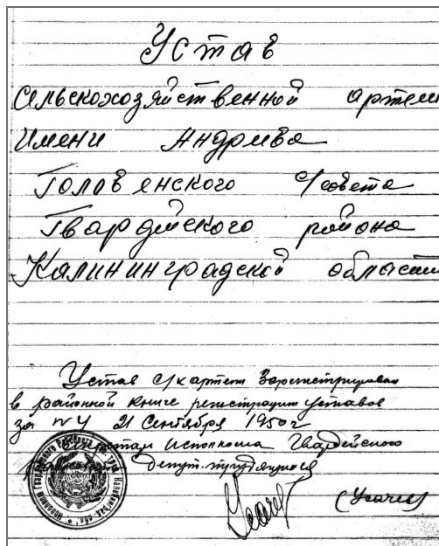


Рис. 2. Первая страница Устава колхоза им. Андреева Гвардейского района. 1950 г.
Фото из фондов ГАКО

Конечно, такие конфликты были редкостью, чаще обе стороны просто делали вид, что добросовестно приближают искомую начальством смычку. Впрочем, были и попытки создать хоть какие-то стимулы для гостей из города. Один такой случай зафиксирован в протоколе



партийного собрания колхоза «Верный путь» Большаковского района от 25 августа 1948 г., на котором разбирались весьма прискорбное событие. Два члена ВКП(б) вместо ударной работы по сдаче хлеба «организовали выгонку самогонки и попойку, притом по приказанию председателя колхоза», который и выдал на эти цели два пуда зерна. Как выяснилось, «самогон использовался для угощения работников леспромпхоза, которые участвовали в воскреснике по уборке урожая». Пьяниц и самогонщиков собрание дружно осудило, факт угощения алкоголем был признан «антипартийным делом», однако виновники почему-то не понесли сурового наказания. Возможно, на партсобрание подействовала аргументация одного из самогонщиков, прозвучавшая в оправдание своих действий: «Пьянка 22/VIII была, но это не отразилось на работе. Наоборот, работники леспромпхоза после угощения самогонкой лучше работали, так как пьяным никто не был» [14, л. 9–10].

135

Облигации

Ежегодно в апреле на колхозников обрушивалась настоящая беда — надо было «всем как один» и, конечно, сугубо «добровольно» выкупать облигации очередного государственного займа развития народного хозяйства СССР. Контрольные цифры разверстки, как всегда, спускались из района. На колхоз выходило от 5 до 23 тыс. рублей. Иногда отличавшиеся особым рвением председатели выступали с почином увеличить «контрольную цифру». На одного трудоспособного в конце 1940-х гг. надо было распределить облигаций на сумму от 90 до 150 рублей. Проблема, однако, заключалась в том, что в отличие от рабочих и служащих, у которых просто удерживали часть зарплаты, у колхозников денег не было вообще. Например, по итогам 1947 г. выдача денег на трудодни составляла от 68 копеек до 11 рублей 32 копеек в зависимости от производственных успехов колхоза, т.е. в среднем 3–4 рубля в месяц на трудоспособного крестьянина². Вот почему с объявлением «подписки» в деревне начинался настоящий аврал. Коммунисты и комсомольцы распределялись по «пятидворкам» с целью выколачивания денег у рядовых колхозников, назначались уполномоченные, создавались комсоды (комиссии по содействию займу) во главе с председателем, выпускались «Боевые листки», на полную мощь начинала работать пропагандистская машина. Однако все эти привычные приемы мобилизации действовали плохо. Уполномоченные жаловались, что «подписка идет слабо», «план срывается», «колхозники от них прячутся, даже жены коммунистов и членов правления, а также и комсомольцы» [15, л. 100 об.]. В колхозе им. Горького Гвардейского района в 1952 г. в уклонистах оказалось немало руководителей, которые подписались на 50 руб., да и то лишь «под нажимом общественного мнения», и которые, как говорилось на собрании, «ходят с партбилетами, изучили “Краткий курс ВКП(б)”, а душа осталась гнилая» [16, д. 2, л. 41–41 об.].

² Расчеты сделаны автором на основании 10 сохранившихся в ГАКО бухгалтерских отчетов колхозов за 1947 г.

Самым распространенным способом покрытия расходов на выкуп облигаций было авансирование (с молчаливого согласия районного начальства) колхозников со счета в Госбанке. При этом одновременно принималось решение на месяц, а то и на больший срок «прекратить расходование средств из колхозной кассы, не связанное с подготовкой и проведением займа» [17, л. 71–71 об.]. Но чаще всего и счета были пусты, и тогда приходилось прибегать к нестандартным действиям.



Рис. 3. Облигация государственного займа развития народного хозяйства СССР 1952 г. номиналом в 100 рублей

В колхозе им. Буденного Гурьевского района, рассмотрев вопрос об изыскании средств на оплату займа, постановили: «1. Продать поросят рождения 6/IV–49 г. и яиц... 2. Ходатайствовать перед райсельхозотделом о забитии одной свиноматки, которая непригодна к приплоду» [5, д. 6, л. 12]. Колхоз им. Суворова Приморского района с той же целью просил районные власти «о выбраковке быка-кастрата, чтоб снять с откорма, и снять с откорма борова-кастрата» [18, л. 8]. В колхозе им. Сталина в 1950 г. решили отпустить «слабых экономически колхозников на работу в мелиорацию лесхоза, который по договору переведет за колхозников деньги на заем» [10, д. 2, л. 72]. В колхозе «Искра» Большаковского района в том же году, выяснив, что колхозники и так «переавансированы» и «из кассы мы помощь оказать не сможем», руководство решило выделить единственную колхозную машину для поездок в город на рынок с целью продажи продуктов с приусадебных участков, причем торговля была поручена нескольким «доверенным лицам, чтобы вырученные деньги пошли именно на заем» [19, л. 61]. Там же, где колхозники должны были торговать самостоятельно, чтобы не допустить сокрытия выручки, за ними устанавливался контроль уполномоченных по займу [20, л. 27–27 об.]. В колхозе им. Ворошилова Гусевского района традиционно создавалось несколько бригад шабашников – плотников, строителей, копателей канав (на мелиорации), заготовителей дров [21, л. 69–69 об.]. В колхозе им. Горького Гвардейского рай-



она в 1950 г. было решено всем миром «организовать работу по сбору металлолома и разного утиля», причем членов правления обязали «заранее связаться с пунктами приема с той целью, чтобы деньги, вырученные от сдачи металлолома, не расходовались колхозниками на другие цели, кроме подписки на заем» [16, д. 2, л. 44–44 об.]. В результате всех этих чрезвычайных мер, пусть и со скандалами и опозданиями, спущенная сверху разверстка по займу из года в год успешно выполнялась.

Уполномоченные района

В колхозы время от времени наведывалось районное и областное начальство, чтобы выступить на собрании, осветить задачи на текущий момент и вдохновить селян на новые трудовые подвиги. Сначала это были командированные от гражданских управлений, затем – руководители и ответственные работники райкомов партии и райисполкомов, областных властей, инструкторы, лекторы, а также разного рода прикрепленные и уполномоченные, направленные в село из госучреждений и промышленных предприятий из числа партийных и профсоюзных активистов. Несмотря на очень различный статус, все они делали одно и то же: «ставили задачу», «прорабатывали», «воспитывали», «давали накачку» и «улучали» колхозников в нерадивости, а потому воспринимались ими как представители некой единой начальствующей силы. Не случайно всех их называли «уполномоченными района», зачастую даже не упоминая в протоколах колхозных собраний ни их должности, ни даже имени.

Свое напутствие только что приехавшим переселенцам на собрании в колхозе им. Буденного Гусевского района 12 февраля 1947 г. представитель гражданского управления Дирюгин начал такими словами: «Несмотря на большие трудности наш народ, и наша партия, и правительство выпустили всей продукции на 20 % больше, чем в остальные годы. А вы, тов. колхозники, говорите, что нет хлеба. Но если произвести подсчет, то мы получили на полный год хлеба по той норме, по которой получают рабочие» [9, д. 6, л. 14 об.]. Другой представитель властей на робкие вопросы о недополучении положенных переселенцам льгот ответила еще резче: «Я слыхала, что колхозники имеют недовольства, а это неправильно. И партия, и правительство не могут снабдить всех» [там же, д. 4, л. 22]. Еще один типичный разнос был устроен «представителем района» в колхозе им. Сталина: «Товарищи, вы носите имя тов. Сталина, а что вы сделали, чтобы оправдать это великое имя? Всем не секрет, что ваша парторганизация плетется в хвосте... Нет настоящей организации труда, нет порядка, получается какая-то толкучка... Нет ни одного колхоза в районе хуже вашего...» [22, л. 24–24 об, 28]. А секретарь Гусевского райкома Кузин, выступая 31 августа 1949 г. в колхозе им. Молотова, усмотрел в отставании от графика уборки урожая политический подтекст: «Вы допустили грубейшую ошибку тем, что не выполнили обязательства перед великим Сталиным!» [23, л. 50]



Рис. 4. Отправка машины с зерном нового урожая на заготовительный пункт из колхоза «Победа» Гвардейского района. Июль 1949 г. Фото из фондов ГАКО

Обычно колхозники безропотно и довольно равнодушно выслушивали гневные речи начальства, лишь изредка отваживаясь на возражения, высказываемые, кстати, почти исключительно женщинами. Так, в колхозе им. Горького Гвардейского района после очередной порции обличений возмутилась колхозница Маркова: «Работники райкома — редкие гости в колхозе. Говорят, что я плохо работаю... но надо заботиться и о нас. Кто о нас заботится? — Никто. Кто посмотрел, как я живу, в чем нуждаюсь? — Никто. Все только говорят, что мы плохо работаем» [16, д. 1, л. 74]. В колхозе «Путь Ленина» того же района не поддержала Александра Лазуко: «Мы работали хорошо, выполняли нормы работ бригадира, но кушать на сегодня нет чего. По какой причине, я не знаю» [24, л. 1 об.].

Вообще, складывается впечатление, что «уполномоченные» играли роль пятого колеса в телеге: толку от их указаний не было никакого, зато колхозу приходилось их содержать и всячески улаживать. В 1947 г. постоянными гостями в колхозе им. Е. Ковальчук Гвардейского района были прикомандированные следить за полевыми работами и уборкой урожая двое «уполномоченных района» с Калининградского вагонзавода — Миронов и Семенов. Их надо было бесплатно кормить и снабжать продуктами, которые они периодически отвозили в город (в частности, им было отпущено со склада 210 кг огурцов и 16 кг муки, а также мясо, молоко и другие продукты). Мало того, на собрании партячейки их обвинили в организации пьянок и дурном влиянии на руководство колхоза: «Зря здесь нет прикрепленного тов. Миронова, который прибыл к нам помогать, а делает наоборот. Два раза увозили председателя в город и были там с ним по три дня, когда можно было бы доехать до города и вернуться обратно. Не было бы разных разговоров среди колхозников» [25, л. 12]. Точно такая же беда приключилась в колхозе им. Шверника Гурьевского района, где «руководство колхоза пошло на беспробудную, систематическую пьянку», чему «способствовали районные уполномоченные» [26, л. 8].



Государственные праздники

При рассмотрении документов, сохранившихся в фондах колхозов, складывается впечатление, что в стране существовало только два праздника – 1 мая и 7 ноября. Различия в их проведении с учетом сельской специфики были существенные. Весенний «праздник труда» приходился на разгар посевной, поэтому из года в год обком партии, учитывая, что «мы пока находимся в капиталистическом окружении, и особенно наша прифронтовая Калининградская область», объявлял 1 и 2 мая «ударными днями по завершению весеннего сева» [9, д. 10, л. 28]. Впрочем, это не освобождало крестьян от следования обязательным ритуалам. Комсомольцы и сельская интеллигенция подряжались на написание и развешивание лозунгов и плакатов, накануне вечером во всех селениях проходили торжественные собрания, на которые старались позвать лекторов из райцентра.

Так, на собрании в колхозе им. Буденного Гусевского района 30 апреля 1947 г. выступил инструктор райкома ВКП(б) Филиппов, который рассказал о всеобщем воодушевлении советского народа на фоне оживления природы, не упустив случая напомнить слушателям, как им повезло: «...ведь есть такие страны, в которых народ не имеет возможности праздновать этот праздник лишь только из-за того, что они работают день и ночь, без отдыха, но получают абсолютно мало, а поэтому у них 1-е Мая будет самым тяжелым днем». Конечно, докладчик не мог не сказать о «предшественниках»: «На этой земле не так давно жители не праздновали этот великий праздник, за исключением капиталистов и помещиков, а также фабрикантов... но мы празднуем, как и все центральные области России» [там же, д. 6, л. 64]. Доклад обычно завершался концертом художественной самодеятельности. Так, например, в 1949 г. на 1-е Мая собрание членов колхоза им. Сталина Гвардейского района имело возможность прослушать семь песен и пять стихотворений, которые были представлены «силами хорового и диэпломатического³ кружков» [17, л. 71 об.]. В сельской местности демонстрации не проводились, но колхозы посылали своих представителей на праздничное шествие в райцентр [16, д. 1, л. 33–33а].

С гораздо большим размахом на селе отмечалась годовщина Октябрьской революции, которая приходилась как раз на конец сезона полевых работ. Помимо доклада, концерта и танцев, правления колхозов принимали решение об устройстве «общественного обеда». Так, в колхозе «Свобода» Озерского района на эти цели в 1948 г. выделили «денег 1500 руб., мяса 75 кг, пшеницы 2-го сорта 150 кг, масла сливочно-

³ Имеется в виду кружок художественного чтения (декламации). Все использованные в настоящей статье документы написаны от руки и содержат большое количество орфографических и синтаксических ошибок, причем в ряде случаев приходится изрядно потрудиться, чтобы понять смысл того или иного слова (например, «цоц-соревнование», «афтаретет», «фет-врач», «оперциональное дело», «каровятник», «клевузы» и др. При воспроизведении документов в статье эти ошибки, как правило, исправлялись автором без специальной оговорки.

го 6 кг, меда 35 кг⁴, молока 80 литров, картофеля 200 кг» [27, л. 28]. Артели победнее организовывали для своих членов после доклада довольно скромное угощение «с мясом из расчета 200 граммов на трудоспособного» [28, д. 5, л. 23] или всего лишь выдавали школьникам на подарки «10 кг муки пшеничной и 150 руб. денег» [там же, д. 3, л. 39 об.]. Районные власти бдительно следили за такого рода инициативами, подрывавшими, по их мнению, благосостояние артелей. Так, в отношении колхоза «Красный Октябрь» Приморского района в 1947 г. райсельхозотдел провел настоящее расследование и принял решение «О неправильном праздновании в честь Октябрьской революции за счет колхоза», по которому участников обеда заставили из собственного кармана оплатить все расходы на праздник (5 тыс. рублей, 40 кг муки, 30 кг мяса, 75 кг картофеля) [там же, д. 2, л. 40–41].



Рис. 5. Праздничная демонстрация в честь годовщины Октябрьской революции в одном из поселков области в начале 1950-х гг. Фото из архива автора

В некоторых колхозах ждать праздника до 7 ноября было невозможно, поэтому получила распространение практика устройства «праздников урожая» ранней осенью. Так, в колхозе им. Буденного Гусевского района правление под давлением рядовых членов приняло постановление «О праздновании 3-й годовщины со дня организации колхоза» и объявило 5 октября 1949 г. выходным днем. Колхозникам был выдан денежный аванс на общую сумму в 2 тыс. рублей, а также принято решение забить выбракованный скот и продать 1 т мяса для устройства праздничного обеда [9, д. 10, л. 55–55 об.].

Наконец, все праздники сопровождалось мерами по усилению революционной бдительности с организацией круглосуточной охраны, поскольку именно в эти дни в распоряжение колхозов «врагами народа могут быть посланы шпионы и диверсанты» [там же, л. 76].

⁴ Второй (непищевой) сорт пшеницы и мед в то время были главными ингредиентами для самогокурения.



Колхозы и международное коммунистическое движение

Время от времени в повестках дня собраний в колхозах появлялись вопросы, очень далекие от повседневной жизни советского крестьянства. Так, в октябре 1947 г. по спущенной сверху разнарядке повсеместно надлежало обсудить итоги состоявшегося в Польше совещания девяти коммунистических партий, на котором было принято решение о создании Коминформбюро. Сообщение ТАСС на эту тему было довольно кратким, да и оно дошло не до всех: большинство сел еще не обзавелись собственными радиоточками, а газеты приходили в конторы нерегулярно. Что же касается полученного по телефону указания из райкома, то оно не содержало никаких подробностей. Тем не менее обсуждение «исторического события» на расширенных партийных и комсомольских собраниях катилось по накатанному пути. Ораторы поочередно называли принятые на совещании решения «важнейшим политическим документом», над которым «нам надо крепко поработать». Конечно, раздавались призывы довести его «до души каждого колхозника [ради] победы и торжества демократии во всех странах мира». Некоторые трудности возникли с результирующей частью протокола: что записать в качестве постановления было решительно непонятно. Однако и здесь выход нашелся. В колхозе «Новая жизнь» Правдинского района, разумно посчитав, что кашу маслом не испортишь, решили «еще теснее сплотиться вокруг ЦК ВКП(б) и тов. Сталина» и «превратить... колхоз в неприступную крепость для наймитов реакционно-империалистической агрессии» [29, л. 14–14 об.]. А в колхозе «Большевик» Славского района по итогам совещания девяти компартий постановили провести разъяснительную работу среди колхозников по поводу выполнения «поставленных задач, окончания сева, сдачи зерна и о бдительности» [7, л. 51].

Заключение

Рассмотренные в настоящей статье вопросы касаются лишь некоторых сторон обыденной жизни калининградских колхозов. История сельской повседневности требует дальнейших изысканий, нацеленных как на изучение общих, «родовых» черт колхозной жизни, так и на выявление местной специфики, которая имеет первостепенное значение для понимания особенностей региональной истории. Жизнь переселенцев, вырванных из привычной колеи, оказавшихся в обстановке тотальной послевоенной разрухи, в незнакомой и во многом чуждой историко-культурной среде, находившихся в непростых отношениях с прежними хозяевами этого края, в сложных, подчас конфликтных отношениях с военными и гражданскими властями, — эта жизнь была полна необычными, часто экстремальными ситуациями и событиями. Пограничные условия существования, с одной стороны, до крайности



обнажили все застарелые язвы советского колхозного строя, а с другой — в какой-то степени раскрепостили крестьянские массы, сделав тем самым понятнее их взгляды и мотивы социального поведения.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-01-00047.

Список источников и литературы

1. *История сельского хозяйства Калининградской области.* Калининград, 2006.
2. *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина [и др.].* М., 2002.
3. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области: Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
4. *Государственный архив новейшей истории калининградской области (ГАНИКО).* Ф. 79. Партийная организация ВКП(б) (П/о) колхоза «Победа» Гусевского района. Оп. 1. Д. 1.
5. *Государственный архив Калининградской области (ГАКО).* Ф. 813. Колхоз им. С. М. Буденного Гурьевского района. Оп. 1.
6. *ГАНИКО.* Ф. 1020. П/о колхоза им. Я. М. Свердлова Большаковского района. Оп. 1. Д. 1.
7. *ГАНИКО.* Ф. 50. П/о колхоза «Большевик» Славского района. Оп. 1. Д. 1.
8. *ГАКО.* Ф. 1043. Колхоз «Дружба» Правдинского района. Оп. 1. Д. 7.
9. *ГАКО.* Ф. 1026. Колхоз «Путь Ленина» Гусевского района (объединенный фонд). Оп. 1.
10. *ГАНИКО.* Ф. 400. П/о колхоза им. И. В. Сталина Большаковского района. Оп. 1.
11. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.).* М., 1968. Т. 3.
12. *ГАНИКО.* Ф. 227. П/о колхоза им. В. И. Чапаева Железнодорожного района. Оп. 1. Д. 1.
13. *ГАНИКО.* Ф. 2007. П/о колхоза им. Ф. Энгельса Большаковского района. Оп. 1. Д. 1.
14. *ГАНИКО.* Ф. 406. П/о колхоза «Верный путь» Большаковского района. Оп. 1. Д. 1.
15. *ГАНИКО.* Ф. 395. П/о колхоза им. К. Маркса Большаковского района. Оп. 1. Д. 1.
16. *ГАНИКО.* Ф. 1175. П/о колхоза им. А. М. Горького Гвардейского района. Оп. 1.
17. *ГАНИКО.* Ф. 1177. П/о колхоза «Зорино» Гвардейского района. Оп. 1. Д. 1.
18. *ГАКО.* Ф. 1019. Колхоз им. М. И. Калинина (объединенный фонд). Оп. 1. Д. 8.
19. *ГАНИКО.* Ф. 404. П/о колхоза «Искра» Большаковского района. Оп. 1. Д. 1.
20. *ГАНИКО.* Ф. 1018. П/о колхоза «Малый Ярославец» Большаковского района. Оп. 1. Д. 1.
21. *ГАНИКО.* Ф. 75. П/о колхоза «Красноречье» Гусевского района. Оп. 1. Д. 2.
22. *ГАНИКО.* Ф. 71. П/о колхоза «Светлый путь» Гусевского района. Оп. 1. Д. 2.
23. *ГАНИКО.* Ф. 93. П/о колхоза «Восход» Гусевского района. Оп. 1. Д. 1.
24. *ГАКО.* Ф. 746. Колхоз «Путь Ленина» Гвардейского района. Оп. 1. Д. 6.
25. *ГАНИКО.* Ф. 1372. П/о колхоза им. Е. Ковальчук Гвардейского района. Оп. 1. Д. 1.



26. ГАКО. Ф. 971. Колхоз «Рассвет» Гурьевского района. Оп. 1. Д. 5.
27. ГАКО. Ф. 968. Колхоз «Свобода» Озерского района. Оп. 1. Д. 3.
28. ГАКО. Ф. 987. Колхоз «Прогресс» Зеленоградского района. Оп. 1.
29. ГАНИКО. Ф. 148. П/о колхоза «Новая жизнь» Правдинского района. Оп. 1.
Д. 1.

Об авторе

Юрий Владимирович Костяшов — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: kostyashov55@mail.ru

About author

Dr Yury Kostyashov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: kostyashov55@mail.ru